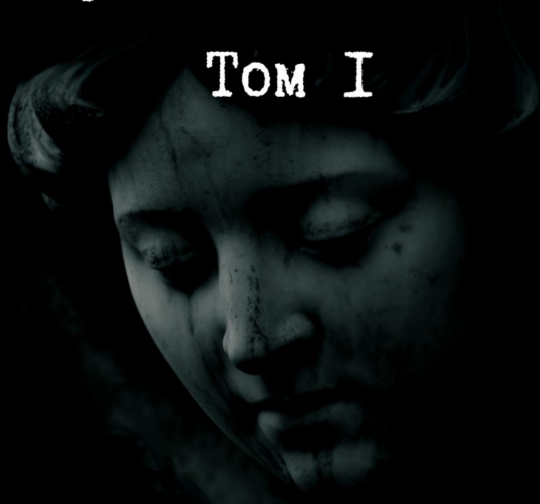

Виктор Венцель

Чумная яма

Том I

Триптих
Дом Скорби

18+

Виктор Доминик Венцель

Чумная яма

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63577771

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-99381-5

Аннотация

«Чумная яма» – первый стихотворный сборник писателя Виктора Венцеля, выдержанный в могильных красках и темных тонах. Произведения автора затрагивают сферы гибели и любви, жестокости и секса, робкой надежды и полного отчаяния. Коллаж из детских сказок, мрачной стороны человеческой души, страха и сомнений образуют причудливую картину самобытного контрастного мира, где нет разделения между тьмой и светом. Тематика обреченности проходит красной нитью через каждое повествование, позволяя взглянуть на привычные в нашей жизни вопросы совсем под другим углом.

Содержание

Anamnesis Morbi	5
Фатум	9
Экипаж пистолета	12
Дом скорби	15
Осенний бред	18
Куколки	22
Черное на черном	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Виктор Венцель

Чумная яма

— Если кто-нибудь из них сумеет объяснить мне эти стихи, — сказала Алиса, —

я дам ему шесть пенсов. — Я уверена, что в них нет никакого смысла!

Льюис Кэрролл. Приключения Алисы в стране чудес

Anamnesis Morbi

Время намертво вмерзло в осень от подъезда до самой крыши.

Ветер чертит иглой по коже, ухмыляется, бьёт трёхфазным.

Кто-то в небо, а где-то оземь. Кто в могилу, а кто повыше. Инкурабельно мы похожи, но больны совершенно разным.

У болезни последний вектор от истерики до восторга.
Ходят слухи: у неба оспа. Подтвердили Орфей и Олен.
Заключение даст прозектор, когда труп заберут из морга.
А к тебе небольшая просьба. Не касайся меня.
Я болен.

Если хочешь, наполни стопки: есть немного вина и виски.
И на том, и на этом свете мы расколоты, сбиты, втёрты
На счет "три" нажимаем кнопки для приветов родным и близким.

Телефон отключён от сети, позвонить можно только мертвым.

В телефоне охрипло эхо, но карточка из гудков на сдачу.
Абонент не поднимет трубку: в вашем номере мало чисел.
По цене неживого смеха, можно выкупить ад и дачу.
Все безумное слишком хрупко. Покупайте дешёвый
смысл.

Мир углов и закрытых камер. В ипотеку, а может, съём-
ный.

На стене полумрак безглазый, тишина, да провалы што-
лен.

Если можешь остаться с нами, если хочешь остаться —
помни:

Этот мир заражен проказой. Не касайся его.
Он болен.

Эта вечность за десять центов — распишись на пустой бу-
маге.

И печать на изломе фальца, как свидетель чужого бреда.
Мавзолеи для VIP-клиентов, экономные саркофаги.
Кенотафы для постояльцев. Круглосуточно. Без обеда.

Только сердце стучит все глуше, забиваясь от грязи жид-
кой.

Кто для осени выбран в присне, те, наверно, уже не вспо-
мят,

Что продавшим в киоске душу, можно выбрать с прилич-

ной скидкой

Одноразовый привкус жизни, для вселенной из пары ком-
нат.

Можно выбрать отдельный карцер. А чумные возьмут по
яме.

И по стелле прямой и гладкой, и любую другую прихоть.
По щелчку и движению пальцев, Бог дарует нам дым и
пламя,

Бесконечной кирпичной кладкой, закрывая пожарный вы-
ход.

В проводах потерялись фразы, в крематории стынет сдо-
ба.

Целый мир из одной детали, как Абраксас, встает из слеп-
ка.

Если страшно оставить разум, можно врезать простые
скобы,

Можно вставить обрезки стали, чтобы мысли держались
крепко.

Опускается ночь на тросе по узору дневной афиши.
Тишина оставляет пятна, укрывая Берлин и Гёлен.
Время намертво вмерзло в осень, от подъезда до самой
крыши.

Если сможешь придти обратно, не касайся меня.

Ты болен.

Фатум

...Дробью капель и железа на развалинах эмоций,
Ветер с пеплом, из обрезов, поутру стреляли в солнце.
Там, в сгустившемся тумане и холодном полумраке,
Осень в пыльном доломане отдала приказ к атаке.

Ной укрылся на галере от чудес людских и Божьих,
Хлещут ливни артиллерий в зазевавшихся прохожих.
Цвета ржавого металла, небо, пойманное в норот,
По кускам пустых кварталов не спеша, сжирает город.

Мостовые из картона Осень выправит в булаты,
Где пройдут, неся знамена, ее верные солдаты.
Переписанные титры, под застывшее контральто.
В пазлах капель на палитре отсыревшего асфальта.

Плесень, вплавленная в саур, на небесном ожерелье,
Продолжает или траур, или вечное веселье.
Ставит точку на пунктире, белым инеем согрета
Осень в пепельном мундире догоревшей сигареты.

Кляксы мыслей на бумаге, перепачканные пеной,
Застывают в полушаге однокомнатной вселенной.

Вещества, табак и водка ожерельем многоточий,
Растянулись за решеткой в три бессонных полуночи.

Осень входит внутривенно, по одной десятой грамма,
Выбирая новых фено из набора старых шрамов.
А потом, в бессвязном сплаве, как поэзия, и проза,
Бросит где-нибудь в канаве, подыхать от передоза.

Мостовые в пятнах шелка, параллели автострады,
Оставляет на осколках тонкой линией помады.
Загоняет глубже в тело по обрубкам ржавой стали.
Осень, ловко и умело, в золотистом ареале.

Дождь бессмысленных шифровок, дым тяжелыми клубами,

Ряд привязанных веревок под фонарными столбами.
Недописанные фразы и заряженное в лебо
Зараженное проказой перевернутое небо.

Паутиной тонких веток, смотрит небо полусонно,
В темноту бесцветных клеток из намокшего бетона.
И в безмолвной а капелле распускается над цервой:
Осень в выцветшей шинели, как обычно, ходит первой.

Дробь дождя и мелких листьев, долетая с первой строчки:
Бьет свинцом тяжелой выси, заменив слова на точки.

...Солнце с именем Алате опускается за Илет:
Осень в сером маскхалате бьет уверенно.
Навылет.

Экипаж пистолета

Мои мысли считают глупым приравняться к калибру пуль.

Экипаж пистолета бледен, и имеет печальный вид.

Через солнце отправят трупы, на поправку, в далекий Туль.

Стойкий привкус каленой меди вплавлен в серый колючий твид.

Экипаж пистолета бродит меж холодных седых пружин.

Тишина заставляет выйти кого в дверь, а кого – в окно.

День Рождения стал не в моде там, где празднует Смерть дожин.

Кто-то истину ищет в смрити, кто-то ей предпочел вино.

Экипаж пистолета весел, собирается на парад.

Уходя погасите солнце – и не нужно платить за свет.

За рядами гранитных кресел десять лун в пятьдесят карат.

Пять грошей да пяток червонцев за горящий от звезд вельвет.

Экипаж пистолета хмуро поднимется на заре.

Мертвеца напоить абсентом, за его упокой души.

Ход конем, да не та фигура – вместо пульса одно тире.

Затяните на шее ленты из стеклянной больной тиши.

Экипаж пистолета нынче собирается на привал.

Если в виски добавить звезды, то ни вам заменят лед.

Если кто-то немного взвинчен, то теперь он на все плевал.

Никогда не бывает поздно, а бывает не тот черед.

Экипаж пистолета с песней вырыл черный сырой окоп.

Никогда не будите спящих – может быть, они все мертвы.

Новый дом невозможно тесный – деревянный скрипящий
гроб.

Вас закроют в сосновый ящик и заруют среди травы.

Экипаж пистолета лихо собирается на войну.

В наше время без некролога не узнать для чего покой.

Если вдруг в вашем доме тихо, позовите к себе луну.

Если вдруг вы узрели Бога – помашите ему рукой.

Экипаж пистолета курит, да разводит в ночи костер.

Для кого не наступит завтра, поживите тогда вчера.

Расплескался дождем в велюре безобразный ненужный
вздор.

По бумаге тянулась растра от рождения до одра.

Экипаж пистолета молит их отправить в последний бой.

Только тихо поет железо, отбивая неровный такт.

Остается немного боли – механизмы давали сбой.
От бемоли и до диеза, ноты, плюнув, ушли в антракт.

Экипаж пистолета шепчет о спасении у виска.
Бесполезное слово «дальше» заблудилось в потоке фраз.
Поиграли на чет и нечет, от того и берет тоска.

...Экипаж пистолета с маршем выполняет немой приказ.

Дом скорби

За окном умирает день. Плачет дождь за немым стеклом.
Носит осень стальной шелом, разливая под ноги гленье
Ей к лицу и другой фасон, где все ярко, и так пестро.
И я в руки беру перо.
Я рисую свой светлый сон.

Я рисую стеклянный дом. В его окнах зверей и птиц.
Вижу в сводах пустых страниц пару ив над седым прудом.
«Это трудно, но сможешь – грезь», шепчут мне под рукой
листы,
Я рисую траву, цветы.
Я отныне живу лишь здесь.

Обвожу свой волшебный сад, тает время в моих стенах.
Я живу в своих детских снах. Я совсем не хочу назад.
Я стираю земную тьму. Черным цветом веду порфир
Мне не нужен реальный мир.
Да не нужен и я ему.

Вот звезда упадет, рябя, вот луна серебрит холмы.
Я сбежал из своей тюрьмы. Я, как будто, забыл себя.
Здесь не будет других людей. Мной гордился бы сам Фуко.
Здесь спокойно и так легко –

В целом мире моих идей.

Я рисую ночную тишь, черный бархат в стальном шитве
Вольный ветер в густой листве, росчерк звездный на скате
крыш.

Кружева в полумраке выют, ходит дождь в шерстяном
пальто.

Мне не нужен теперь никто.

Наконец я нашел приют.

Где стеклянная ночь темна, где коврами легли цветы,

Где иду по тропе мечты, а в ладонях поет весна.

Где на небе разлит эфир, где страницы забытых книг.

В Доме Скорби сейчас возник

Мой волшебный хрустальный мир.

Изо льда и стекла халат – доктор белый, как черный цвет.

Приговором любой ответ. Каждым словом грохочет млат.

Где-то дождь за окном затих, да и ветер успел уснуть.

Доктор знает простую суть:

Кто-то болен из нас двоих.

Голос тихий, как будто сплин. Доктор белый, как будто
ночь.

Говорит, что хотел помочь. Только клином ломают клин.

Череда золотых колец в застекленных седых веках.

Но мой мир у него в руках.
И я понял, что доктор – лжец.

В черной трубке истлел табак. Серый дым оплетал края.
Целый мир, где остался я, брошен в мусорный грязный
бак.

На земле, под сухой травой, втоптан мир в кружева стукко
А ведь мне было так легко.
Мне казалось, что я живой.

Где стеклянная ночь темна, где коврами легли цветы,
Где я шел по тропе мечты, а в ладонях звала весна.
Где на небе разлит эфир, где луны золотой изгиб...

...В Доме Скорби опять погиб мой измятый волшебный
мир.

Осенний бред

Я выбиваю в стенах кирпичи.
Я одержим внезапною догадкой.
Там где-то жизнь, за каменной кладкой,
Там где-то свет. И солнце. И лучи.
...Дороги нет. Хоть смейся, хоть кричи.
И только ночь глядит в меня украдкой.

Опять мой дом, холодный и больной.
Стянуть пальто, пройти к скрипящей двери.
Всегда одно. И только в новой мере.
И пустота. Во мне. И надо мной.
Ничто, увы, не вечно под луной.
Ничто, увы, не вечно в эфемере.

Зовет окно. Пустое, как и я.
Горит фонарь в вуалях паутины.
На зеркалах – следы болотной тины.
Я потерял начало и края.
И звездный свет, вершиной острия,
Рисует мир. И черные картины.

Я опьянен безглазой темнотой,

С небес луна в пылающей карете,
Я вижу мир, и мыслю в черном цвете!
...Я догорел. Я сдался. Я пустой.
Я на краю. Над крошечной чертой.
И ни за что отныне не в ответе.

Втекает ночь в стекло разбитых глаз.
Холодный страх. Два кубика. Под кожей.
Хрустальный мир. Родной и непохожий.
Закреть окно, включить на кухне газ.
Чужая жизнь, и в профиль, и анфас:
А где моя? На вешалке. В прихожей.

Мой разум пуст, как пусто решето.
Вокруг меня очерченные метки.
Я заперт сам, в своей бетонной клетке.
Я одинок. Я брошен. Я – ничто.
Надеть петлю и старое пальто.
Я просто лист, что сорван с чьей-то ветки.

Марать листы, выплескивая бред,
Искать в тиши, потерянные нотки.
Найти ключи от крохотной решетки.
Я осознал единственный секрет.
Под едкий дым дешевых сигарет,
И вкус вина, комком застрявший в глотке.

Я потерял желанья и покой,
И даже сон, меня оставил ныне.
Внутри меня сгоревшая пустыня,
Омытая иссохшею рекой.
Я рву стихи недрогнувшей рукой,
Отдав себя отчаянной гордыне.

Стенает век за крохотным окном,
И осень мчит, в своей горячей связке:
Безумный вальс в пурпурно-алой краске,
Разбавленной дождями и вином.
Всегда одно. Навеки об одном:
Нет ни чудес, ни волшебства, ни сказки.

Безумный вальс на тлеющем угле,
В костюмах из узорного металла.
Я бьюсь о грани Вашего бокала,
Я оседаю пылью на земле.
Я где-то там. Внутри. В крошечной мгле,
Ищу себя. Хотя меня не стало.

Слепящий свет, вверху, над головой,
Поднять глаза? Зачем? Что в этом толку?
Разбить себя. На части. По осколку.
О камень безразличной мостовой.

Я, лишь земля, под высохшей травой.
Я старый том, поставленный на полку.

Звенят в кармане ржавые ключи.
В висках звучит тоскливая челеста,
От глупых слов, и до скупого жеста.
Шизофрению в студию, врачи!

...Я выбиваю в стенах кирпичи.
В прекрасный мир.
В котором мне не место.

Куколки

Я сжигаю в камине кукол, с тихой полночи до зари.
Я мешаю седые угли, и смотрю в языки огня.
За окном, тишину баюкал, проиграв сам с собой пари
Тихий ветер, да месяц смуглый, до конца позабыв меня.

Веет жаром нутро камина: те сгорели, а те – сгорят.
Все нелепо и все неважно – колыбель и высокий мар.
Так безлюдно и так пустынно. Только кукол безмолвный

ряд

Мою жизнь превратил однажды, в бесконечный ночной кошмар.

Я не сплю, я борюсь с дремотой, хотя тьма навевает сон.
Я смотрю, как сползает краска с разрисованных белых лиц.

Как огонь высекает ноты, как сгорает в дыму виссон,
Как в золе умирает сказка, разыграв последний блиц.

В старом доме царит молчанье. Только где-то поют дрозды.

Только тихо трещат поленья, да клубится, танцуя, дым.
Хороводом цветов клечанья заперт мир от чужой беды –

Там огонь, перевитый тенью, был прозрачным, а стал седым.

Пляшут блики по черным стенам, выплетая кривой узор,
А в руках полубутылки джина не позволяют сойти с ума.
Чьи-то жизни по новым ценам обозначил чужой позор.
Тает воск, оплывает глина, остается слепая тьма.

Остывают стальные тигли, опускается пыль седин.
Те, кто были когда-то вместе, разрывают порочный круг.
Моя дочь и жена погибли. Я отныне совсем один:
В моем черном пустом поместье ни гостей, ни усердных слуг.

Белый свет на просевшей крыше превращается в горсть песка.

Тишина, как в забытом склепе, да на стенах измятый флат
Здесь давно не бывало пришлых. Только я и моя тоска.
Восемь кукол, камин, да пепел – постояльцы моих палат.

Это куклы моей дочурки. Ведь она так любила их.
Два шута, балерины, мишки тонут в пламени и золе.
С тишиною играли в жмурки, среди мертвых, ища живых,
А потом, мы забили крышки, и зарыли в сырой земле.

Куклы станут безликим пеплом. Пепел тихо укроет страх.

Пустота, у меня на мушке, тишину переплавит в лед.
Злое время укрылось теплом – теперь все у него в руках.
Я сжигаю в огне игрушки... Но, как это меня спасет?

Черноту за окном обрамя, лунный свет утекает прочь.
Темнотой занавешен угол, тянет снов кружевную тель.
Я не сплю и смотрю на пламя, ведь как только минует
ночь...

...Кто-то снова приносит кукол, и кладет их в мою по-
стель.

Черное на черном

На холстах зимы и лета, на полотнах сна и яви,
С видом фата и эстета по поднявшейся октаве
Обезумевший художник, в тишине внимая горнам,
Черной кистью, осторожно, пишет черное на черном.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.